

Синергия и диссонанс института контролирующего лица в законодательстве о банкротстве и института фактически контролирующего лица в корпоративном праве

Научный руководитель – Шиткина Ирина Сергеевна

Буракова Кристина Владимировна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: kristina.burackova@yandex.ru

Особый интерес для отрасли корпоративного права представляет институт контролирующего лица, установленный п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве. С помощью данного института контролирующее лицо привлекается к субсидиарной ответственности по обязательствам подконтрольного должника.

Исходя из обстоятельств, при наличии которых, согласно п. 2 и п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, у лица появляется возможность определять действия должника, можно отметить, что к контролирующим лицам относятся не только те, кто юридически (формально) связан с должником, но и те, кто может осуществлять фактический контроль в силу иных обстоятельств.

Среди указанных в Законе о банкротстве ситуаций непосредственно к проявлениям фактического контроля могут быть отнесены следующие: (1) нахождение с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства; (2) принуждение руководителя или членов органов управления должника либо оказание определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом.

Данные нормы напрямую перекликаются с корпоративным законодательством в части фактического контроля (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). При этом ГК РФ не содержит ни определения понятия фактического контроля, ни презумпций, в соответствии с которыми предполагается наличие у лица фактической возможности определять действия юридического лица.

Чтобы устранить указанные пробелы корпоративного законодательства, суды часто обращаются к регулированию, установленному в Законе о банкротстве, а также разъяснениям Верховного Суда РФ в части определения контролирующего должника лица.

Так, Закон о банкротстве установил одну опровержимую презумпцию относительно наличия факта осуществления контроля над должником. В подп. 3 п. 4 ст. 61.10 сказано, что лицо является контролирующим должника лицом, если оно извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ. Данное положение свидетельствует о том, что контролирующее лицо не обязательно должно состоять в формально-юридических отношениях с должником.

Дальнейшую конкретизацию институт привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц получил в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — «Постановление № 53»). Согласно п. 3 Постановления № 53, фактический контроль над должником может осуществляться вне зависимости от наличия формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении).

В п. 6 Постановления № 53 Верховный Суд РФ описал один из возможных вариантов осуществления фактического контроля - номинальный руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, не осуществляет фактического управления, а принимает ключевые для общества решения по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не имеющего соответствующих юридических полномочий (фактического руководителя). При этом Верховный суд РФ подчеркивает, что такой номинальный руководитель не утрачивает статус контролирующего лица и несет солидарную субсидиарную ответственность с фактическим руководителем в случае, если он не устранился полностью от контроля.

На номинальность руководителя, согласно Постановлению № 53, могут указывать следующие обстоятельства: (1) лицо не наделено правом давать обязательные для исполнения должником указания; (2) лицо не имеет реальную возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий; (3) лицо является формальным представителем должника в публичных, в том числе в регистрирующих органах; (4) лицо не имеет никаких дополнительных прав, в том числе права самостоятельного принятия решений от имени общества.

Для установления фактического контроля Верховный Суд РФ рекомендует определять «степень вовлеченности лица в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника», а также возможность такого лица участвовать в разработке существенных условий сделок, которые изменяют экономическую и (или) юридическую судьбу должника. Дополнительно в Постановлении № 53 подчеркивается, что сами по себе обстоятельства, указанные в Законе о банкротстве, не могут быть основаниями для признания лица контролирующим должника, судам необходимо учитывать преимущества, вытекающие из его положения.

В целом, позиция, высказанная Верховным Судом РФ в отношении проявлений фактического контроля, и рекомендация об исследовании степени влияния лица, представляются обоснованными. Вместе с тем, указанные в Постановлении № 53 критерии являются лишь базовыми ориентирами для судов в целях формирования единообразного применения Закона о банкротстве и не являются исчерпывающими.

Кроме того, некоторые предложенные Верховным Судом РФ обстоятельства не могут напрямую свидетельствовать об осуществлении фактического контроля и способны привести к расширительному применению норм.

Несмотря на то, что Закон о банкротстве направлен на защиту не только частного, но и публичного интереса, что проявляется в ужесточении механизма привлечения лиц к субсидиарной ответственности по долгам юридического лица перед кредиторами и в пониженном стандарте доказывания наличия оснований для осуществления фактического контроля, основные тенденции института все же могут быть использованы в корпоративном праве.

Тем не менее, необходимо учитывать, что законодательство о несостоятельности (банкротстве) носит специальный по отношению к гражданскому законодательству характер, в связи с чем не может напрямую регулировать корпоративные правоотношения. При руководстве нормами Закона о банкротстве требуется учитывать специфику субъектов корпоративного права. Кроме того, нужно принимать во внимание, что ответственность контролирующего лица в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) является субсидиарной и наступает по обязательству юридического лица перед третьими лицами - кредиторами, а ГК РФ закрепляет ответственность по обязательству самого контролирующего лица перед юридическим лицом за причиненные ему убытки.